

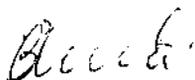
На правах рукописи

**Ашимова
Виктория Анатольевна**

**СИТУАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ:
КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ.**

специальность: 09.00.03 – история философии

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Екатеринбург – 2000

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии Уральской
академии государственной службы

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Ершов Ю.Г.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Гайда А.В.

кандидат философских наук,
доцент Хомяков М.Б.

Ведущая организация: Уральский государственный технический
университет

Защита состоится « 21 » декабря 2000 г. в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д 063.78.01 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора философских наук в Уральском государственном
университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр.
Ленина, 51, комн. 248).

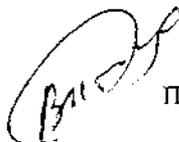
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского
государственного университета.

Автореферат разослан «21» ноября 2000 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

доктор философских наук, профессор

Плотников В.И.

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования.

Сегодня социально-историческая практика человечества и философская рефлексия над ней вступили в качественно новый этап. Содержанием его является противостояние двух основных парадигм социокультурного развития: тенденции универсализации, связанной с глобализацией цивилизационных процессов, возникновением взаимозависимой истории и направленность, тенденция к культурному творчеству, ориентацией на индивидуальное и особенное. Как определяет это современный немецкий исследователь: “в самом общем виде указанную смену парадигмы можно обозначить следующим образом: господство в обществе технико-экономических теорий и решений сменяется преобладанием решений, ориентированных на контекст и обусловленных культурой”¹.

Противоположность двух указанных направлений развития, является вместе с тем и противоречием двух онтологических и антропологических моделей, первая из которых представляет собой просвещенческую модель “разумного” человека, стремящегося к господству над своими обстоятельствами (природой), в то время как вторая связана с вхождением в ситуацию, событие, контекст. Эти разные “модели” реализуются в различных вариантах онтологии и основываются на разных типах мышления. Как всякая модель, разделение двух проектов и двух парадигм мышления является условным и здесь необходимо придерживаться своеобразного культурного “принципа дополнительности”; создание модели сосуществования этих парадигм. Частичной “неклассичностью” взглядов обладал почти каждый философ-метафизик, но и сама неклассическая философия, претендующая на создание “новой философии”, соответствующей современной эпохе, зачастую воспроизводит классический тип мышления.

Современная социальная реальность порождает сомнения в существовании одного единственного, простого правильного ответа, образует философское основание современной ситуативности взаимодополнительных теоретических выводов, выступающих не столько решениями проблемы соответствующей сферы, сколько описаниями неразрешимостей. В эпоху смешения научных и художественных стилей, интегрированности наук,

¹Петер Козловски. Культура постмодерна, М.: “Республика”, 1997, С. 45.

"гетерогенности" культурных миров, появления пограничных областей знания, как никогда актуально задаться вопросом и выявить предельные границы этого смешения, крайние теоретические условия диалога различных временных и местных (локальных) культур.

Существовавшее до сих пор знание было едино; это единство обеспечивалось обращением к трем Великим мета-идеям: это эмансипация человечества (в эпоху Просвещения), телеология духа (в идеализме) и герменевтика смысла (в историзме). Эти мета-рассказы («нарративы» Лютар), в отличие от мифов, ищут легитимность не в прошлом («акт основания»), а в будущем (ожидая своего воплощения в жизнь), закончили свое существование. Кризис на рубеже XIX-XX вв., когда были утрачены авторитетные и доступные разуму стандарты Добра, Истины и Красоты, потеряна вера в прогресс, привел к убеждению, что наиболее адекватное знание действительности доступно не естественным и точным наукам или классической философией, опирающейся на систематически формализованный понятийный аппарат логики, а интуитивному «поэтическому мышлению» с его ассоциативностью, образностью и метафоричностью. Поэтому задачей неклассического мышления стала необходимость показать дискретность и гетерогенность современного мира. «Неклассическое философствование – это не направление, а тип мышления и действия, сопряженный с реакцией на классические образцы, с кризисом классики и ее преодолением. Это – реакция на несоразмерность абстрактного субъекта классики конкретным индивидам, абстрактного объекта – эволюции природы, ее методологии – поиску ресурсов интенсивной деятельности во всех сферах практики.»²

Поэтому сегодня можно говорить только о ситуативном определении человеческого бытия, так как любое другое определение будет страдать унификацией и общеобязательностью, ориентирующих на прогрессивный стандарт универсального идеала, сводимого к пустой форме «общечеловеческого», всеобщего.

Сказанным определяется острота и социокультурная актуальность проблем, связанных с анализом «классического» и «неклассического» мышлений. Речь идет не только об изучении их логических структур или лишь об историко-философском исследовании их проблематики. Дело состоит как раз в содержательном прояснении их онтологических оснований и рассмотрении их воплощения в структурах антропологии, теории познания, этики. Итак, в самом общем виде, проблема данного исследования может быть сформулирована как вопрос о понимании ситуации и ситуативности человека в парадигмах «классического» и «неклассического» мышления.

Позднелатинское слово *situare*, от которого произошло французское *situation*, воспринятое русским языком в начале XVIII в., первоначально означало «размещать, помещать, ставить, располагать», причём именно с акцентом на «месте» как чем-то встроенным в некий порядок или какое-то

² Кемеров В.Е. О классическом и постклассическом в философии // Социемы №6. Екатеринбург. 1997.С.7.

бытие. Именно этот оттенок хотел передать М. Хайдеггер, - философ, у которого неклассическое мышление получило наиболее полное развитие, - когда говорит о человеческом бытии как о Dasein (вот - бытие, здесь - бытие). Хайдеггер при этом открыто противопоставляет своё новое понимание сущности человека и его ситуации³ старому метафизическому пониманию человеческой ситуации как "...совокупность внешних по отношению к индивиду условий, побуждающих и опосредствующих его активность."⁴

Степень разработанности проблемы.

Говоря о степени разработанности проблемы и источниковой базе исследования следует отметить, что в европейской мысли классический подход в понимании ситуации существовал на протяжении многих веков; в этой связи в данном исследовании рассматриваются избранные труды авторов, начиная с классики античности и до начала XX века (Гераклит, Парменид, Анаксагор, Платон, Аристотель, Плотин, Диоген Лаэртский, Августин, Ф.Бэкон, Р.Декарт, Б.Спиноза, Г.В.Лейбниц, И.Кант, И.Фихте, В.Шеллинг, Г.В.Ф.Гегель, Л.Фейербах). При изучении неклассической интерпретации ситуативности, необходимо назвать работы К.Маркса, Ф.Ницше, С.Кьеркегора, Л.Шестова, Э.Гуссерля, А.Камю, Ж.-П.Сартра, В.Дильтея, Ю.Хабермаса, Д.Роулса, Ж.Деррида, Ж.Батая, Ж.Бодрийяра, Мерло-Понти, И.Пригожина, Ж.-Ф.Лиотара, К.Кастанеды, П.Козловски, А.Кожева, Г.Стайн, М.Франка, Б.Гройса, Ж.Делеза, Ф.Фукуяма. В диссертации использовались историко-философские исследования, связанные, в частности, с именами П.Адо, В.Брюнинга, А.Шмидта, С.Л.Кропотова, А.Ф.Лосева.

Понятие ситуации вплоть до XX века не становилось специальным предметом философского исследования. Оно проблематизируется лишь в связи с возникшим пониманием принципиальной важности контекста, обстояния при описании человеческого бытия. Но, не ставя специально этого вопроса, мыслители прошлого все же основывали свои исследования на определенном понимании ситуации, как характеристики эмпирического ("неистинного") бытия человека, нуждающейся в преодолении, трансценденции, снати.

Впервые специально это понятие было введено в научный оборот К. Ясперсом, который эволюционировал от описания "пограничных ситуаций" ("сущность человека обнаруживается только в пограничных ситуациях"⁵) к описаниям "духовных ситуаций эпохи", где давал критику современной цивилизации и прояснял ее сущностные возможности. О нем можно говорить как о родоначальнике экзистенциалистского направления в теории ситуации. Он противопоставлял ситуативность современного мышления антиситуативности метафизики: "великие метафизики прошлого, - пишет Ясперс в своей "Философской автобиографии", - предоставили нам незаменимые средства мышления, но мы не можем применить их для

³ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме//Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.197.

⁴ Современный социологический энциклопедический словарь//М. 1998. С.322.

⁵ Ясперс К. Философская автобиография//Западная философия. Итоги тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С.138.

исцеления, постигнув с их помощью современную ситуацию”⁶. Э. Фромм, известный критиком цивилизации и размышлениями над “ситуацией человека”, представляет психоаналитическое направление. В. Франкл является критиком психоанализа и апологетом экзистенциализма в психологии, он также развивал свое учение о ситуации. И наконец, теолог-экзистенциалист П. Тиллих унаследовал всю проблематику экзистенциализма, в том числе и понятие ситуации, которое он считает центральным. О его работах можно говорить как об открывающих экзистенциально-теологическое осмысление ситуативности. Таким образом, за введение понятия ситуации в научный оборот ответственен прежде всего экзистенциализм в его различных направлениях: классическом, психологическом, теологическом. Ведь именно экзистенциализм впервые определил конечность человека как его сущностное свойство, а потому с необходимостью обратил пристальное внимание на ситуацию его бытия-в-мире: “перед лицом бесконечного конечность ограничивает”⁷. И все же, необходимо отметить, что мыслители-экзистенциалисты не преодолели метафизического описания ситуации; как того, что должно быть преодолено, снято, ибо является несовершенным и ограничивающим существование, а в данном случае – сущность человека. Их мысль здесь развивается в русле, проложенном многовековым развитием европейской метафизики от Парменида до Нового Времени.

Рождение “неклассического” способа мышления о ситуации связывают с такими философами как Ницше, Дильтей, но, прежде всего, с именем Хайдеггера, поставившего причастность бытию вместо ориентации на сущее: “Принципиальное значение в учении Хайдеггера...имеет тезис о том, что бытие, конституирующее через посредство индивида всеобщие структуры, не может пониматься как некая вневременная абсолютная сущность(например, как своего рода трансцендентальный субъект). Нет вечных, неизменных норм, которые конституировались бы им. Скорее, все зависит всякий раз от стечения обстоятельств, от историчной ситуации, сплетения связей эпохи. Это не означает также, что в историю здесь всякий раз вмешивается некое вневременное бытие. Наоборот, само бытие исторично. Точно так же, как временность оказалась конечным смыслом “тут-бытия”, время оказалось глубочайшим образом связанным с самим бытием”⁸. Поскольку бытие связано со временем, время (а значит, конечность) является основной характеристикой человеческого бытия. Тем самым понимание бытия как изначального в неклассическом мышлении ведет к утверждению сущностной конечности и ситуативности человека. Здесь уже речь идет не о преодолении или снятии ситуации как чего-то, что ее ограничивает, является эмпирическим определением ее уместимой сущности, но именно о вхождении человека в ситуацию как экзистенции, существовании в горизонте открытости бытия.

⁶ Ясперс К. Философская автобиография// там же. С.144.

⁷ Кьеркегор С. Болезнь к смерти//Этическая мысль 1992. М., 1990. С. 384.

⁸ Брюнинг В. Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние//Западная философия: итоги тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 380.

Учитывая, что значительная часть данной работы посвящена непосредственно онтологическому анализу философии бытия, необходимо отметить, что по этому вопросу существует достаточно обширный объем отечественной научной литературы. Среди исследователей, которые работали в этом направлении, в первую очередь необходимо отметить Л.П.Туркина, С.Д.Лобанова, Г.С.Пак, О.В.Кузнецова, Э.В.Ильenkova, В.И.Красикова, В.Руднева, Е.И.Аринина, И.А.Михайлова, В.А.Окладного, Ф.Ф.Вяккерера, Л.В.Денисову, С.Г.Гутову, Н.С.Рыбакова, С.Л.Катречко, В.А.Кутырева, М.А.Смагина, И.Д.Невважай, В.И.Пернацкого, Н.М.Солодухо, А.А.Марченкова, Р.А.Евтушенко, В.И.Кашперского, Ю.В.Желтова, А.Ф.Кудряшева, А.А.Исаева, А.А.Тютюникова, Я.Я.Разногорского, М.Ю.Просекину, М.С.Кунафина, Д.В.Пивоварова, А.И.Селиванова.

Говоря о современных отечественных исследованиях, так или иначе касающихся соотношения "классического" и "неклассического" подходов, следует упомянуть работы В.В.Бибихина, В.Е.Кемеров, А.В.Перцева, Т.Х.Керимова, И.П.Ильина, Л.Н.Митрохина, М.К.Мамардашвили, Э.Ю.Соловьева, В.С.Швырева, В.Малахова. В работах перечисленных авторов проблема поиска оснований классической и неклассической парадигм ставится со всей ясностью и отчетливостью, содержащееся в них решение позволяет точнее уяснить общую картину происходящего.

Проблему человеческого бытия специально анализировали и изучали такие авторы, как: М.М.Бахтин, Л.М.Баткин, А.В.Павлов, К.Н.Любутин, Л.А.Мясникова, В.И.Плотников, Б.Т.Григорьян, Г.С.Батицев, А.К.Можева, О.Г.Дробницкий, И.Ф.Балакина, А.Г.Мысливченко, Т.А.Кузьмина, В.А.Карпушин, Р.М.Габитова, Л.А.Шершенко, М.В.Желнов, Н.Н.Моисеев, И.Фролов, В.В.Чешев, Т.В.Казарова, Ю.И.Новоженков, В.П.Цаплин, И.С.Утробин, Л.Ф.Федорова, Д.А.Манаков, В.А.Рындин, Ф.В.Цанн-кай-си, С.А.Ермаков, А.А.Овчаров, М.А.Фаденчева, А.П.Андреев, Е.М.Калашникова, И.И.Орехов, В.И.Мельник, В.А.Герт, Е.Ф.Казакон, А.А.Большаков, А.А.Баталов, М.В.Баженов, С.А.Гаджиев, Н.И.Мартишина, Л.В.Пятилетова. Тема природы и сущности человека находится в основании философских построений этих исследований.

Таким образом, с одной стороны, можно говорить о самой широкой источниковой базе диссертационного исследования, помогающих в решении конкретных задач, а с другой, следует отметить очевидный недостаток исследований, рассматривающих онтологические основания понимания человеческой ситуации с точки зрения сопоставления и сравнения двух указанных выше типов мышления.

Цели и задачи исследования.

В силу вышесказанного наше исследование ставит перед собой цель - анализ понимания ситуации и ситуативного определения человеческого бытия в "классической" и "неклассической" парадигмах.

При достижении намеченной цели, данное исследование будет ориентироваться на выполнение следующих задач:

1. Выяснить основные отличия «классического» и «неклассического» способов понимания бытия и сущего с точки зрения ситуативности.

2. Показать несостоятельность попыток философии конца XIX-XXвв. (Ж.П.Сартр, К.Ясперс, Э.Фромм, П.Тиллих, В.Франкл) объявить сущностью человека существование и, таким образом, преодолеть метафизическую установку на трансценденцию ситуации, заменяя лишь материальную ситуацию преодолением духовной, человек бесконечно выстраивает «инвариантную сущность», что ведет лишь к жонглированию идеалами и истинами.

3. Проследить зависимость представлений о человеческом бытии от онтологических оснований в рамках «классической» и «неклассической» парадигм.

4. Рассмотреть ситуативную обусловленность человеческой практики и познания. Принципиальное значение для анализа ситуативности практики, и рассмотрения ситуативности познания имеет онтология ситуации – понимание ситуативности бытия экзистенцирующего человека как вхождения его в ситуацию. Поскольку мы ориентируемся на ситуативное определение человеческого бытия, то необходимо проиллюстрировать как определяются все основные ее феномены в классическом и неклассическом мышлении. Все феномены практики, в широком, от Канта идущем смысле этого слова, должны получить свое прояснение исходя из «ситуативности»; анализ направлен на феномены, конституирующие «практический» мир.

5. Определить ситуативность современного философского мышления. Особое внимание следует обратить на феноменологию как на теорию ситуативного, контекстуально обусловленного познания. Феноменология, выступая под лозунгом «назад к вещам» (то есть ситуациям, ибо нет вещей – есть ситуации, явление вещей), является искомым выражением неклассической модели ситуативно обусловленного познания.

Методологическая основа исследования определяется задачами диссертации. Анализ различных типов мышления немаловажен для рассмотрения историко-философских оснований этих типов, поэтому широко используются методы историко-философского анализа. Ставя различные темы в философии в зависимости от историко-культурной традиции самого широкого характера, в данной работе применяется метод конкретно-исторического анализа философских учений. Этот метод дополняется методом анализа компаративного, поскольку ставятся рядом и сравниваются принципиально различные культурно-исторические реалии: «классическая» метафизика и «неклассическая» философия ситуации. Широкое использование компаративного метода требуется принципиально синтетическим характером данного исследования, стремлением найти некоторый «принцип дополнительности», могущий позволить соединить новое философское мышление и старые метафизические концепции.

Исследование принимает во внимание фундаментальную онтологию М.Хайдеггера. Понятия, разработанные им в особым образом понятой феноменологии, прослеживаются при анализе ситуативности

человеческого бытия. Речь идет о таких понятиях как Das Man, Dasein, бытие (Sein), эк-зистенция и др. Вне такого онтологического обоснования, понятие ситуации может быть лишь механической добавкой, “примесью” к старой метафизике без какого бы то ни было переосмысления ее основ. В этой же связи можно говорить и о широком использовании феноменологических методов анализа.

Эти методы, безусловно, не являются абсолютно новыми, но их совокупное применение позволяет прийти к новым научным результатам.

Научно-практическая значимость исследования.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке курсов “История философии”, “Философская антропология”, “Основы философии”, “Онтология и теория познания”, “Современная западная философия”. Принципы и подходы, разработанные автором, могут представлять интерес для дальнейших исследований в области истории философии, социальной философии, онтологии и философской антропологии.

Апробация работы.

Результаты данного диссертационного исследования нашли свое отражение в выступлениях автора на заседаниях Второго Всероссийского Философского Конгресса (Екатеринбург, 1999), Первой Всероссийской Конференции “Толерантность и ненасилие” (Екатеринбург, 1999), на занятиях Зимней “Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт” (Екатеринбург, 2000) и Летней Философской Школы “Россия и Запад: философские основания социокультурной толерантности” (Екатеринбург, 2000). Основные положения диссертации отражены в публикациях автора и обсуждались на заседаниях кафедры философии и культурологии Уральской Академии Государственной Службы.

Структура и объем работы.

Диссертация состоит из введения, первой главы, которая разделяется на два параграфа, второй главы, также состоящей из двух параграфов, а также заключения и прилагаемого списка цитируемой и используемой литературы. Общий объем диссертации составляет 140 страниц. Библиография включает 143 наименования.

Основное содержание работы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, устанавливается степень разработанности проблемы и источниковая база исследования, выявляется значимость проблемы для философского познания, формулируются цели и задачи исследования, а также определяются принципы методологического подхода к обозначенной проблеме.

В **первой главе**, “Понятие ситуации в классической парадигме” рассматривается понимание ситуации в европейской традиции от ранних греческих философов до Маркса и Ницше, анализируется степень зависимости учений этих философов от классического описания ситуации.

В **первом параграфе первой главы**, озаглавленный “Проблема сущности человека и ситуации” раскрывается проблема ситуации и сущности

человека в классической философии. Поскольку классическое, или метафизическое мышление в своем вопрошании выходит за пределы сущего, а ситуации принадлежит именно области сущего, всякая метафизика связана с ее трансцендированием, преодолением; т.е. метафизическое понимание человеческого бытия принципиально антиситуативно. Дело в том, что рассмотрение сущего-в-целом (а именно к этому стремится метафизика) возможно лишь из не-сущего, Ничто. Поэтому классическое мышление всегда вне сущего, ситуации, для него нет наличного, временного, а только вечное. Основание сущего мыслится метафизикой как неподвижное и вечное (от архэ ранних греческих философов до абсолютной идеи Гегеля).

В метафизике есть фундаментальное различие между «сущностью» и «существованием», которое было заложено уже Аристотелем, а впоследствии получило развитие у схоластов. Предполагается, что «существование» человека связано с несовершенствами, тогда как сущность совершенна. Аристотель сущность отождествляет с возможностью, а существование – с актуализированной возможностью (действительностью). Энергия направляет несовершенное в сторону реализации потенций (энтелехии) сущности. Вытекающие же из совершенной сущности наличные «несовершенства» временны и преодолимы, т.е. ситуативны.

В философии Нового времени определенное понимание ситуации наиболее отчетливо выражается идеалами эпохи Просвещения, когда человек утверждается как существо фундаментально свободное, то есть способное преодолеть любую ситуативную обусловленность своего бытия. Свобода у просветителей тождественна разумности. Разум же имеет свои, независимые от ситуации законы, и дело человека жить согласно им. Кант, завершивший собой эпоху Просвещения, определяет свободу как способность давать закон самому себе. Здесь у Канта утверждается автономия человеческой воли и свобода человека “спасается” в его отказе принимать “законы природы” за ее собственные правила.

Гегель полвгает сущностью человека разум, абсолютную идею, а значит, также трансцендирует ситуацию. Абсолютная идея в конечном итоге достигла самопознания, история прекратилась и дело состоит лишь в том, чтобы применить обретенные знания. Метафизика здесь переходит в утверждение технической мощи человека. Маркс не случайно поэтому заявляет, что дело философов заключается теперь не в интерпретация мира, а в его изменении. Говоря в терминах ситуативности, коммунизм для Маркса есть также вечное движение к освобождению человека от ситуации за счет увеличения его технологической мощи в новых общественных отношениях.

Другие философские течения конца XIX века, как бы они не боролись с “метафизикой”, по сути, реализуют метафизический проект слияния “несовершенного существования” человека с его “совершенной сущностью”. Философия прагматизма (Джемс, Пирс, Дьюи): есть не что иное как техника решения проблем, т.е. техника выхода из обусловленности ситуацией. Ницше: “воля к власти” мыслится как основание Сущего, и “сверхчеловек” - как господин, творец ситуации, а не ее раб. Ницше лишь переворачивает платонизм, поскольку в его философии истинным и вечным становится

чувственное, в то время как сверхчувственное определяется как неистинное и временное. Тем самым переворачивание метафизики есть лишь иная метафизика.

Итак, метафизическое понимание «сущности человека» как разумной определяется как антиситуативное по сути, но ситуативное в своем существовании. Метафизика осуществляет господство и трансценденцию по отношению к материальной (пространственно-временной) ситуации в пользу инвариантной, истинной сущности человека.

Во втором параграфе первой главы, “Проблема ситуации в этике и в познании”, осуществляется анализ в терминах ситуаций практики и теории в широком, кантовском смысле этого слова. Ведь если человеческое бытие определяется как ситуативное, то необходимо, исходя из него, прояснить основные его феномены в рамках данной парадигмы.

Из феноменов, конституирующих «практический мир», человека самым значительным является свобода. В новоевропейской философии наиболее ярко и сильно феномен свободы постулируется Кантом. Доказывая, что человеческий разум имеет место только с феноменами и опытом, Кант, с одной стороны, обосновывает строгие положения современного естествознания, с другой – “спасает” место для свободы. Мир практики и есть мир свободы. Утверждения этого Кант добивается через “оконечивание” познавательной способности человека, демонстрируя тем самым, что именно конечность есть основание свободы. Поскольку человек способен к самоопределению, следующий вопрос, который возникает у Канта: какие самоопределения являются “истинными” (то есть соответствующими сущности свободы). Категорический императив и является правилом выбора между различными практическими самоопределениями. Во-первых, в категорическом императиве постулируется сохранение свободы: из нее не может вытекать ее отрицания. Это верно для Канта при условии понимания свободы как свободы вообще, единой для всего человечества. Тем самым, нанося ущерб свободе другого, человек ущемляет свою собственную свободу. Во-вторых, из категорического императива следует правило преумножения (самовозрастания) свободы: свобода одного естественно переходит в свободу всех. В кантовском идеале каждый обладает правом “вето”, здесь господствует гласность и консенсус: “Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с гласностью”⁹. Тем самым Кант является создателем современной теории демократии, господствующей как в современной политической практике (торжество материализма, общечеловеческие ценности, защита прав меньшинств, “вечный мир” под эгидой ООН.), так и в политической теории (Даль, Роулз, Хайек, Поппер, Хабермас.).

Метафизическая философия, на свой лад признавая ситуативность, допускала ее прежде всего (чтобы сразу же снять) в практику, сфера же познания изначально определялась метафизикой как антиситуативная. Истина существует в себе и для себя, человек в определенной ситуации лишь тематизирует ее, открывает то, на что раньше не обращал внимания. Такое

⁹ Кант И. К вечному миру// Кант И. Сочинения. т. I, М., 1994, С. 463.

понимание познания в целом господствует от Платона до Гегеля. С точки зрения последнего в процессе истории все истины были уже так или иначе открыты. Задача теперь состоит в том, чтобы наладить мост и переходы от одной истины к другой, расставить их по местам, соединив в одно целое. Вооружившись этой наукой человек уже без проб и ошибок сможет наращивать свое господство. Этот пафос был подхвачен Марксом, который делает мерилом прогресса степень эмансипации человека от неразумности, степень развития техники и покорения неразумного. Итак, в первой главе показано, что антиситуативность является сущностным определением метафизики. Ситуация в метафизике определяется как нечто отрицательное, как область материальной необходимости и обусловленности исчисляемыми обстоятельствами, которые мешают реализоваться подлинной разумной сущности духовного человека, опираясь на “идеальное вечное”, т.е это принадлежность к существованию, к бессмысленной и неразумной природе, которая трансцендентная природа человека должна одухотворить. Ситуация оказывается местом проявления и осуществления вечной сущности человека; все “практические и теоретические” феномены будут способствовать проявлению этой инвариантной сущности человека, которая мыслится как разумная.

Во второй главе, “Понятие ситуации в неклассической парадигме” анализируется существование человека в мире в терминах человеческой ситуации. В данной главе доказывается, что неклассическое мышление является ситуативным, т.е ориентирующимся на феноменологическое созерцание человеческого бытия как вот-бытия(Dasein) и экзистенцию.

В первом параграфе второй главы, озаглавленном “Проблема существования человека и ситуации” выявляется концептуальное основание понятия ситуации в не-метафизическом, неклассическом мышлении. Неклассическое мышление можно определить именно как мышление ситуативное, не стремящееся к преодолению ситуации, а контекстуально определенное.

Начатки неклассического мышления можно обнаружить уже у Дильтея. Проблематизируя историчность человека, он приходит к выводу о том, что сам человек априорно историчен. Речь идет о «герменевтическом круге»: целое понимается на основе части, часть на основе целого - имеющий историю человек внутренне историчен. Таким образом, эта априорная структура - историчность - позволяет человеку иметь историю, а ситуативность позволяет ему выстраивать свою собственную судьбу.

Поскольку человек - существо историческое, то его бытие дается именно в горизонтах времени. Смертность - то, что определяет человека, его предельная возможность. И дело человека здесь - выстоять перед смертью как возможностью, не актуализируя ее посредством самоубийства. Выставая перед смертью, человек выбирает мир - и это его первый главный выбор. Лишь затем следует выбор между возможностями мира. Поэтому именно смертность есть основание всякой возможности выбора. И какой бы выбор человек ни сделал, ответственность лежит только на нем. Всякая же ответственность связана с виной, которая есть сумма неиспользованных возможностей, а потому человек всегда виновен. Человек существует в мире

с другими, и, следовательно, для него имеется возможность несобственной жизни; жизни не из своих, а из чужих возможностей, жизни по традиции. Поведение становится безликим, поступки - предсказуемыми и это снимает ответственность с человека перед самим собой, налагая ответственность перед всеми, что равносильно безответственности. Такое усредненное, несобственное существование человека есть незнание им своих возможностей, в том числе и возможности последней - смерти.

Обретение собственного бытия есть именно обретение ситуативности. Последняя разрушает безликость, позволяя "не быть средним", поскольку всякая ситуация единична. Это обретение происходит благодаря состоянию ужаса и ощущению собственной конечности, которые охватывают человека в его обезличенном существовании. Этот ужас – ужас угрызений совести, выводит человека из его брошенности в безликость и делает его решительным. Решимость - готовность к ужасу, это выход навстречу Бытию, навстречу судьбе. По словам Хайдеггера, "ситуация имеет фундаментом решимость". Решительное бытие всегда в точке риска, каждое событие "бифуркационно", человек здесь дает захватить себя возможностям. Ситуация как раз и определяется как наличие этих возможностей и, всегда связана с выбором между ними. Значит всякая ситуация погранична. Решимость при вхождении в ситуацию – есть выбор самого выбора, выбор самого себя.

Итак, для неклассического мышления сущность человека есть экзистенция, т.е. выступание в отношении к Бытию. И в этом отношении человек обретает мир и ситуацию, а не разрывается между «собственным» и тем как «должно быть». Ситуативность оберегает «собственное» каждого сущего, его смысл и самость, дает возможность быть самим собой. При этом, эта самость в каждую эпоху, в каждое простиранье бытия будет разной, а не одной на всех. Следовательно, в неклассическом понимании ситуация не связана с условиями и ограниченностью, из которых надо выстроить себе сущность, чтобы обеспечить рост и господство, а все другое - ассимилировать. Она имеет связь с Бытием как таковым в отношении человеческого бытия.

Второй параграф второй главы, "Ситуативность практики и человеческого познания" посвящен анализу практики и теории в терминах человеческой ситуативности.

Иную модель в интерпретации свободы дает нам неклассическое мышление. При этом, необходимо отметить, что размежевание между классическим и неклассическим мышлением произошло еще внутри самой метафизики – речь идет о работе Шеллинга "Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах", которая является наиболее симптоматичной и значительной в этом отношении. В классическом мышлении свобода остается всегда основанием, то есть чем-то таким, из чего не может и не должно вытекать нечто, ее подрывающее. Шеллинг же, в своем анализе бытия различает между "сущностью поскольку она существует, и сущностью, поскольку она есть лишь основа

существования"¹⁰. Шеллинг обнаруживает две основы: иррационально-природную и рациональную. Сами эти основы укоренены в безосновном (Ungrund). И свобода у Шеллинга, таким образом, связана не с одной из них, а с положением между ними, с тем, что в человеке присутствуют оба начала. Таким образом, свобода оказывается способностью и к добру, и ко злу. Эволюция бытия проходит через стадию размежевания этих основ ("добра" и "зла") к связыванию одной с помощью другой, так что иррациональная основа ("зло") сводится лишь к потенциальности. Таким образом, уже Шеллинг, обнаруживая взаимопринадлежность двух начал безличному Ungrund выходит за пределы метафизического описания. Здесь были даны уже наброски того, что затем будет развиваться в мышлении неклассическом. Суммируя это развитие, можно говорить о следующих основных отличиях неклассической этики от классической:

1. В классической этике бытие понимается как страсть, стремление (иррациональная основа), утверждающая проект бытия сущего в логосе (рациональная основа). Все действия опирается на это сущее, которое просчитывается. В неклассической этике человеческое бытие выступает навстречу бытию, а не сущему и не опирается ни на какой расчет и происходит без определенной надежды. Выступлению в бытие соответствует молчание.

2. В классической этике бытие сориентировано на высшее сущее (Бог, сверхчеловек). Это высшее сущее – универсальный посредник (спаситель) и мера каждого бытия. В неклассической модели утверждается атомарность сущего и бытия. Определенность и уникальность каждого человеческого бытия не допускает никакого опосредования, сравнения, не знает идеала, норм, совершенного состояния, к которому надо стремиться.

3. В классической этике сориентированность бытия на сущее позволяет переориентироваться на другое сущее, отвлекаться. Ориентация на сущее включает в себя и ориентацию на его противоположность – ничто, что позволяет обманывать и обманываться. В неклассической этике, поскольку человеческое бытие определяется из отношения к бытию (Ereignis), сущностное, самостное априори импортировано в человеческое бытие и обеспечивает выставление перед любым сущим или Ничто. Человеческое бытие здесь не замечает конъюнктуры целей и фикций.

4. В классической этике должным является такое состояние, когда каждое человеческое бытие обеспечено своим сущим (собственностью) и своим просчетом его бытия (мировоззрением), что возможно при бесконечной мультипликации сущего и проектов его бытия (общество всеобщего благоденствия). В неклассической этике, напротив, человеческое бытие ориентировано на оригинал, исток, на разное, единственное. Такое бытие изначально является творческим и творчество начинается как выведение из сокрытого (бытия) в несокрытое. Следовательно, творчество возможно лишь при наличии отношения к бытию, в ситуации участия в бытии.

¹⁰ Шеллинг Ф.В.И. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф.В.И. Соч. в 2-х т., т. 2, М., 1988, С. 107.

Наконец, в классической этике, в случае достижения человеческим бытием совершенства, то есть достижения поставленных целей, оно встречается лишь с тем, что наметило себе изначально. Тем самым оно получает во владение то, что уже имело потенциально, возвращается к себе. В неклассической этике изначально открытость человеческого бытия в “идеале” настроена на то, что оно будет присвоено. Исполнение этого присвоения оказывается даром, причем всегда неожиданным. Неклассическая этика не начинается, а заканчивается удивлением, тогда как исполнение целей человеческого бытия согласно модели этики классической есть, скорее, разочарование.

Неклассическое мышление является бытийно-историческим. Начатки такого рода философии можно найти уже в учении о вечном возвращении Ницше. Здесь постулируется возвращение мгновения, и только оно (а не круг, не вечность) есть истина. Ницше постулирует тем самым атомарную онтологию и атомарную же “теорию познания”. В целом не преодолев метафизики, в теории вечного возвращения Ницше прорывается к неклассическому мышлению.

Бытие открывается в горизонте времени. Открытость (истина) всегда ситуативна. Разработка какого-либо феномена, его тематизация не может быть проведена один раз и навсегда. Как сами феномены, так и отношения между ними зависят от времени, ситуации. Неклассическое мышление в области познания есть феноменология. Этот титул выражает максимум, которую можно сформулировать таким образом: “К самым вещам!” – против всех свободнопарящих конструкций, случайных находок, заимствованных, мимо доказанных концепций и мнимых вопросов, на протяжении жизни многих поколений выплываемых как “проблемы”. Итак, во второй главе показано, что “..эта структура “ситуативности” имеет конститутивное значение для всякой бытийной характеристики этого сущего”¹¹, т.е. ситуативность является фундаментальным определенным человеческого бытия и является одной из основных характеристик неклассического мышления.

Положения, содержащие новизну и выносимые на защиту:

1. Основные отличия “классического” и “неклассического” способов понимания бытия и сущего с точки зрения ситуативности:

А. Классическое мышление ориентировано на сущее, неклассическое – на бытие. Сущее может быть просчитано, ориентация же на бытие не опирается ни на какой расчет;

Б. Классическое мышление связано с высшим сущим – идеалом и всеобщим посредником (трансцендентализм), неклассическое утверждает атомарность и временность (то есть событийность – ситуативность) бытия;

В. Классическое мышление есть мышление “отвлекающееся”, способное к переориентации с сущего на сущее и ничто (нигилизм); неклассическая этика есть выстывание перед сущим или ничто;

¹¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. // Томск., 1998. С. 160

Г. Классическое мышление ориентировано на “должное” состояние обеспеченности сущим на основе его мультипликации (“общество всеобщего благоденствия”), неклассическое – на творчество как выведение из сокрытости в непотаенность;

Д. В действии, основанном на классическом мышлении, совершается актуализация потенций, то есть человеческое бытие получает здесь во владение то, что уже имело; в действии “неклассическом” результатом является получение дара, удивление.

Ситуация в классическом мышлении понимается как то, чем нужно завладеть, осуществляя проект в опоре на расчет и через подражание абсолютному, в мышлении неклассическом, ситуация – то, вступая во что, человеческое бытие открывается творчеству и принципиально не поддающемуся расчету неизвестному.

2. Показано, что философия конца XIX – нач. XX веков, претендующий на абсолютно новое понимание ситуации и бытия человека в мире остается в плену старых метафизических представлений о преодолении ситуативности, заменяя лишь трансценденцию материальной ситуации преодолением ситуации духовной (Ж.П.Сартр, К.Ясперс, Э.Фромм, В.Франкл, П.Тиллих); человек экзистует в данных ему обстоятельствах и сам создает себе сущность – жонглирование идеалами и истинами. Попытка объявить сущностью человека существование ведет лишь к бесконечному выстраиванию “инвариантной сущности”. Действительно неклассическое мышление определяет сущность человека как принципиально ситуативную. Неситуативность в неклассическом мышлении характеризует состояние *Das Man* – массовое, усредненное существование. Вырвавшийся из его неподлинности, экзистующий человек осуществляет прорыв к ситуации, к своей ситуативной самости. Нет и речи о господстве над ситуацией, речь идет лишь именно о вхождении в нее, об обретении через это своей подлинности.

3. Прослеживается зависимость построений человеческого бытия от онтологических оснований в рамках как классической, так и неклассической философии; установлено, что в истории человеческой цивилизации нужно различать две фундаментально различные концепции “сущности человека”: “классическое” метафизическое понимание человека как разумного и неклассическое его понимание как “экзистенции”. Метафизика определяет бытие человека как ситуативное по существованию, но антиситуативное по сущности, говоря о снятии ситуативности при приближении человека к своей сущности, или – “аутентичному” существованию. В неклассическом мышлении бытие человека определяется как ситуативное и по существованию, и в сущности, как вхождение в ситуацию. Это происходит благодаря переосмыслению самих этих сущности и существования. Смена онтологии в неклассическом мышлении влечет за собой качественно иное представление о человеческом бытии. В XVIII-XIX веках готовится, а в XX веке – осуществляется переход к новому неклассическому представлению, фундаментальным принципом которого является признание ситуативности человеческого бытия. Начала этого изменения можно обнаружить уже у

мыслителей эпохи завершения метафизики (К.Маркс, С.Кьеркегор, Ф.Ницше, В.Дильтей).

4. Рассмотрена ситуативная обусловленность человеческой практики; показано различие, существующее между “классической” и “неклассической” этикой, то есть между двумя парадигмами истолкования основных практических феноменов человеческого бытия с точки зрения “ситуативности”. В классической этике ситуация является способом определения и осуществления сущности человека, а потому все эти явления описываются в отношении к овладению человеком своей ситуацией, как проявления “сущности” или некоторой неизменной “природы” человека. В неклассической этике под влиянием нового понимания сущности и существования человека, а вместе с ним – новой интерпретации ситуативности, истолкование всех названных выше феноменов претерпело существенные изменения. Ситуация стала местом (способом) обретения сущности, основные практические феномены понимаются не как способы проявления неизменной сущности, но – способы существования человека.

5. Ситуативность современного философского мышления входит в теорию познания в виде феноменологии. При этом существует значительное различие между классической феноменологией (Гегель) и феноменологией в рамках неклассической философии. Если Гегелю феномены необходимы для того, чтобы, шагнув “вперед”, за них, опосредовать их, соединив и связав их друг с другом в системе, то феноменологическая максима “Zu den Sachen selbst”, т.е. буквально, “к самим вещам”, шагая “назад”, переосмысляет эти феномены, устанавливая их ситуативно-исторический смысл и может быть понята в смысле требования обращения к сути феноменов. Таким образом, феноменология есть ситуативная гносеология нового философского мышления.

Основные идеи работы отражены в следующих публикациях автора.

1. Ситуативность как фундаментальное определение человеческого бытия// Философские аспекты реформирования Российского общества. Материалы республиканской научно-теоретической конференции “Россия на пути реформ: основные парадигмы развития общества.” Челябинск 1998. С. 39-43.
2. Дихотомичность понимания исторической ситуации// Человек в истории: теория, методология, практика. Материалы Российской научно-теоретической конференции. Челябинск 1998. С. 39-41.
3. Ситуация в образовании// Теория и практика современных образовательных технологий в системе подготовки государственных и муниципальных служащих. Тексты докладов 24-25 октября 1997 года. Челябинск. С. 85-87.
4. Антиситуативность классической философии.// XXI век: будущее России в философском измерении (тезисы выступлений II Российского философского

конгресса). Том 1. Онтология, гносеология и методология науки, логика. Часть 2. Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 1999. С. 156-157.

5. Ситуативность в неклассической антропологии. // Том 1. Зимняя философская школа: "Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт." Екатеринбург. Изд-во УрГУ. 2000. С.25-28.

6. Неклассическое понимание человеческого бытия // Мудрость бытия и пошлость быта. Материалы регионального симпозиума. Оренбург, 1999. С. 11-13.

7. Проблема ситуативности: классическая и неклассическая парадигмы // Летняя философская школа: "Россия и Запад: философские основания социокультурной толерантности". Т.1 Екатеринбург. Изд-во УрГУ. 2000. С.45-51.

Подписано в печать 20.11.00. Формат 60x84 /16. Ризограф. Усл. п.л. 1. Тираж 100. Заказ 102.

Редакционно-издательский отдел УрАГС,
620148, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66